

Китай-Индия: отношения в начале нового столетия

© 2009

С. Уянаев

На широком историческом фоне рассматривается современный этап китайско-индийских отношений. Анализируются двусторонние политические и торгово-экономические связи, ход переговоров по урегулированию пограничной проблемы. Автор показывает, что, несмотря на определенные трения и наличие элементов конкуренции, в целом отношения между Китаем и Индией в последние годы развиваются по восходящей. *Ключевые слова: Китай, Индия, двусторонние политические и торгово-экономические отношения, пограничное урегулирование.*

“Китай высоко оценивает тенденцию всестороннего развития китайско-индийских отношений... они находятся в самом лучшем периоде своего развития”¹.

“В 2007 г. Индия отметила 140 китайских вторжений на спорных пограничных участках... Это их стиль... это способ давления на Индию”².

Две цитаты разделяют по времени две недели. Первая — из заявления министра иностранных дел КНР 5 июня 2008 г. Вторая — из прозвучавшего чуть позже выступления министра обороны Индии.

Синхронность таких, казалось бы, полярных высказываний Пекина и Дели, когда в обеих столицах, с одной стороны, оправданно дают позитивную оценку нынешнему этапу двусторонних связей, с другой — продолжают следовать порой весьма жесткой риторике, сегодня не редкость. Однако парадокс здесь только внешний, ибо, пожалуй, в нем — квинтэссенция нынешнего этапа китайско-индийских отношений, где несомненный прогресс соседствует с трудностями и сложными нерешенными вопросами.

Растущие гиганты

В последние годы без упоминания Китая и Индии — двух крупнейших азиатских стран — редко обходится обсуждение мировых политических процессов. Это вполне объяснимо. Обе страны представляют древнейшие самобытные цивилизации, внесшие уникальный вклад в развитие человечества. Сегодня в них проживает треть населения планеты. Но особенно примечательно, что уже не один год и Китай, и Индия, следуя курсу масштабных реформ, демонстрируют устойчивые темпы внутреннего развития. Применительно к ВВП ежегодный рост выражается цифрами 10% и более для КНР и лишь немногим меньше (8%) — для Индии. В результате на эти две страны в последнее время приходится значительная доля при-

роста мировой экономики. КНР ныне по ВВП практически сравнялась с ФРГ, и к первой десятке ведущих стран по этому показателю подошла Индия³. Согласно множеству прогнозов, данный поступательный алгоритм, в силу которого обе страны часто называют локомотивами глобального развития, способен обеспечить Китаю выдвигание на лидирующие позиции в мире еще до середины столетия, ощутимый прорыв на передовые позиции прогнозируется и для Индии.

Параллельно растут значение и роль двух стран в международных делах. Они все более демонстрируют не только субрегиональные и региональные, но и глобальные интересы, предпринимают конкретные действия для их реализации в настоящем и в обозримой перспективе.

В этой связи понятно, что отношения между этими азиатскими гигантами представляют интерес не только с точки зрения состояния собственно двусторонних отношений, но и их воздействия на мировые политические процессы, на интересы других стран, включая (заметим, далеко не в последнюю очередь) и Россию.

Исторические корни

История связей народов, издревле населявших Китай и Индию, насчитывает не одно тысячелетие. Безусловное влияние на характер этих связей традиционно оказывали географические особенности — труднопроходимые Тибетское плато и Гималайская горная система. Тем не менее, в древнейших как китайских, так и индийских источниках с середины еще первого тысячелетия до нашей эры содержатся взаимные упоминания о живущих “за горами” соседях.

Непосредственные культурные и экономические контакты получили развитие с первого столетия новой эры — с распространением на территории Китая буддизма и началом движения торговых караванов по различным маршрутам Шелкового пути.

В более поздней истории были и оживление контактов в ходе знаменитых морских экспедиций адмирала Чжэн Хэ (первая половина XV в.), и нередкие территориальные конфликты пограничных княжеств — от столкновений еще в эпоху Танской династии (VII—VIII вв.) в районах, составляющих северные области сегодняшней Индии, до противоборства в конце XVIII в. в южном Тибете и на территориях, входящих ныне в Непал, до вооруженных действий между войсками “Поднебесной” и сикхами в XIX в. в регионе, который сегодня прилегает к западному участку китайско-индийской границы.

От эйфории к конфликту

В новое и новейшее время обе страны испытали на себе бремя колониальной политики империалистических держав, и политическая история взаимоотношений между Китаем и Индией по существу начинается с середины прошлого столетия, с провозглашения индийской независимости и образования КНР. Причем именно в первые годы существования молодых государств отношения между ними отличались наиболее высоким уровнем. Представляется, что тогда, в начале и в середине 1950-х гг. созидательный энтузиазм, охвативший народы и пришедшие к власти элиты, а также импульс антиимпериализма и национально-освободительной борьбы стали теми факторами, которые предопределили весьма тесное сближение.

Высшей точкой позитивного развития отношений стало совместное провозглашение пяти принципов мирного сосуществования, известных как принципы Панча шила. Они были впервые закреплены в принятом в 1954 г. индийско-китайском Соглашении о торговых отношениях между Индией и Тибетским

районом *Китай*⁴, а через год нашли отражение в документах знаменитой Бандунгской конференции. А лозунг “Хинди-Чини бхай-пай” — “индеец и китаец — братья навек” стал эмоциональной квинтэссенцией атмосферы того периода.

Но он оказался недолгим. Эйфория первых внутренних побед в обеих странах сменилась необходимостью решения конкретных задач государственного обустройства, и именно в этом контексте стали быстро накапливаться двусторонние проблемы. Причем на сложном историческом фоне не было случайностью, что центральными из них явились территориальные споры, а также возникновение так называемой тибетской проблемы, последовавшей за перемещением в Индию далай-ламы и тысяч его сторонников.

Кульминацией противостояния явился, как известно, вооруженный пограничный конфликт осени 1962 г. Важной его особенностью стало то обстоятельство, что Индия вышла из него с комплексом подвергшейся нападению и “несправедливо пострадавшей” стороны, в то время как Китай отверг всяческие обвинения в “агрессии”. Причем такая оценка сохраняется и сегодня.

Вместе с тем крайне важно, что, понизив после этих событий уровень двусторонних дипломатических контактов, стороны даже в период нового обострения отношений в ходе индо-пакистанских конфликтов 1965 и 1971 гг. не перешли грань их полного разрыва. В 1976 г. по инициативе Индии дипломатические отношения были восстановлены полностью. Тем не менее, этот (важный сам по себе) формальный акт не привел автоматически к позитивным результатам, ибо, по меткому определению авторитетных экспертов, за ним последовал период “патовой ситуации и даже стагнации”⁵. Прошло еще 12 лет, прежде чем стало возможным говорить о том, что период свертывания двусторонних связей фактически подошел к концу, и наметились условия для их постепенной нормализации.

Безусловно, что в качестве причинно-следственных факторов этого процесса свою роль сыграли не только постепенное накопление двустороннего позитивного потенциала, в частности — конструктивных элементов во внешней политике КНР после XII съезда КПК, но и внешние обстоятельства — улучшение советско-китайских отношений, а несколько позже — и те драматические перемены на мировой арене, которые выразились в распаде прежнего биполярного мироустройства.

От нормализации к стратегическому партнерству

В общепринятом смысле, подразумевающим планомерное и поступательное развитие двусторонних контактов, в том числе на высоком уровне, китайско-индийская нормализация обрела зримые очертания в декабре 1988 г. в ходе первого за предшествующие 34 года визита в Пекин премьер-министра Индии. Раджив Ганди подписал с китайским руководством совместное коммюнике, в котором стороны выразили общее стремление “восстановить, улучшать и развивать добрососедские и дружеские китайско-индийские отношения”, строить их в духе пяти принципов мирного сосуществования. Была достигнута договоренность о проведении ежегодных консультаций между министрами иностранных дел, о создании совместной рабочей группы для решения территориального спора и установления мира на границе, подписан ряд соглашений — о сотрудничестве в сфере гражданской авиации, в научно-технической и культурной областях⁶.

Ключевое значение китайско-индийского саммита 1988 г. несомненно. Вместе с тем, с учетом серьезности и объема нерешенных проблем это событие, как представляется, следует рассматривать в качестве важнейшего, но лишь стартового звена последующей поэтапной нормализации. Заметим, что часть ин-

дийского экспертного сообщества склонна придавать не меньшее значение более поздним достижениям на китайском направлении, имевшим место в первые годы нового столетия, когда у власти находились политические оппоненты Индийского национального конгресса и, соответственно, клана Ганди⁷. Более того, ряд аналитиков полагает, что “полная и окончательная нормализация” не наступила и сегодня и будет возможна лишь после урегулирования территориального спора⁸.

После переговоров Р. Ганди в Пекине взаимные визиты руководителей стали носить достаточно регулярный характер. Наиболее значимыми из них были визит Премьер-министра Индии Н. Рао в Пекин в сентябре 1993 г. и визит Председателя КНР Цзян Цзэминя в Дели в декабре 1996 г. В ходе визитов были подписаны важные документы: о поддержании мира и спокойствия вдоль линии фактического контроля и о мерах доверия в военной области в районе границы⁹, последующее выполнение которых сыграло ключевую роль в резком ослаблении напряженности в пограничных районах. При этом ныне нечасто вспоминают, что в ходе визита Цзян Цзэминя было сделано в известном смысле этапное заявление о том, что стороны выразили намерение “развивать отношения конструктивного сотрудничества, обращенного в XXI век”¹⁰.

Однако вскоре отношения претерпели заметный спад, связанный с ядерными испытаниями в Индии 1999 г. и высказываниями официального Дели, включая премьер-министра и министра обороны, о том, что основным мотивом индийских военных усилий является “китайская угроза”. Примечательно тем не менее, что связанная с этим напряженность царила недолго. Летом 1999 г. главы внешнеполитических ведомств двух стран провели конструктивные переговоры, а в последующие три года стороны предприняли новые шаги к развитию сотрудничества, в частности, в ходе визита в КНР Президента Индии К.Р. Нараянана (2000 г.), а также переговоров в Дели с участием главы китайского парламента Ли Пэна (2001 г.) и Премьера Госсовета КНР Чжу Жунцзи (2002 г.).

Иными словами, за полтора десятилетия после визита Р. Ганди в Пекин сторонам удалось, по меньшей мере, формальным образом наладить конструктивный диалог, создать основы его механизма, продвинуть отношения в целом ряде важных областей, включая военно-политическую. Подтверждением этого стал и объем торговли, увеличившийся с мизерных 200 млн долл. в конце 1980-х гг. до 3,6 млрд долл. в 2001 г.

Данные обстоятельства в комплексе позволяют считать, что декларированное в 1988 г. взаимное намерение “восстанавливать и развивать” двусторонние отношения поэтапно наполнялось практическим содержанием, а сам процесс китайско-индийской нормализации в первые годы нового столетия в общепринятом смысле подошел к завершению. Не случайно 2003 г. многие аналитики, в частности в Индии, называют началом своего рода нового этапа двусторонних отношений, когда “нормализация” по существу уступила место “многоплановому развитию китайско-индийского сотрудничества”, причем связи в самых разных сферах были заметно активизированы. Именно летом этого года состоялся визит в Пекин Премьер-министра А.Б. Ваджапаи, итоги которого были названы в Индии “редкими и значительными”, а подписанный основной документ — *Декларация о принципах отношений и всестороннем сотрудничестве* в Китае был назван “краеугольным камнем” будущего сотрудничества¹¹. Стороны подтвердили решительное намерение строить отношения и осуществлять взаимодействие на основе доверия и взаимной выгоды, а также придать качественное ускорение поиску решений территориальной проблемы путем создания переговорного механизма с участием спецпредставителей двух правительств. При этом в контексте

сохраняющихся проблем, прежде всего территориальных, принципиально важным стало подтверждение сторонами базового общего подхода, согласно которому “сохраняющиеся разногласия по пограничным вопросам не должны отражаться на общем процессе развития двусторонних отношений”¹². Кроме того, в ходе переговоров был подписан впечатляющий пакет соглашений в практических областях, в том числе об упрощении визового режима для предпринимателей, о сотрудничестве регионов.

Наращение импульсов к интенсивному продвижению сотрудничества и, более того, наполнение его новым качественным содержанием, отразили договоренности, достигнутые в апреле 2005 г. в ходе визита в Индию Премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао. Важнейшим итогом переговоров стало заявление сторон о решении “вступить в стратегическое партнерство”, а также подписание принципиально значимого *Соглашения о политических параметрах и руководящих принципах решения пограничного вопроса* — своего рода “дорожной карты” — в поиске взаимоприемлемых развязок. Серьезное значение имело также принятие *Пятилетнего плана всестороннего торгово-экономического сотрудничества* и объявление 2006 г. в двух странах “Годом китайско-индийской дружбы”¹³.

Столь же важными стали итоги визита в Дели Председателя КНР Ху Цзиньтао в ноябре 2006 г. и переговоры М. Сингха в Пекине в январе 2008 г. Отличительным результатом этих двух визитов, наряду с закреплением целей и направлений собственн двустороннего сотрудничества, является очевидное стремление сторон “сверить часы” по ряду международных проблем регионального и глобального порядка. Не случайно важнейшими итогами этих встреч явились делийская Совместная декларация, осветившая широкий круг вопросов международного взаимодействия, а также документ под названием *Совместный обзор Китая и Индией перспектив в XXI в.*¹⁴.

Достижения и успехи

Каковы же обобщающие итоги двух последних десятилетий китайско-индийских отношений, включая их нормализацию и последующее развитие?

К осязаемым достижениям китайско-индийской отношений в **политической сфере** относится закрепленное в двусторонних документах стремление строить долговременные и прочные отношения добрососедства и способствовать глобальному и региональному миру. В международном плане Китай и Индия демонстрируют высокую степень согласия по таким вопросам, как многополярный мир и справедливый международный порядок, многосторонняя дипломатия и недопустимость односторонних действий, центральная роль ООН в международных делах и мирный принцип разрешения проблем. В ходе последних саммитов стороны все чаще выдвигают тезис о важном международном значении китайско-индийского сотрудничества, “исторической ответственности Китая и Индии” за перспективы азиатского и мирового развития. Начиная с 2005 г. китайская сторона демонстрирует свою поддержку Индии в принятии ее в качестве постоянного члена в расширенный состав Совета Безопасности ООН. Стороны развивают сотрудничество в рамках ВТО и других экономических организаций, исходя, в частности, из принципа защиты интересов развивающихся стран.

Сходство подходов проявляется и применительно к ряду важных региональных проблем. В части, касающейся Южной Азии, в результате перехода Пекина к более сбалансированному курсу в отношении Исламабада и Дели снижена острота индийских подозрений по поводу характера китайско-пакистанских связей, тем самым улучшены условия и для индо-пакистанского диалога.

С точки зрения **межгосударственных отношений** ведется системная работа по созданию многоуровневого и многопрофильного механизма двусторонних отношений. В практику введены постоянный обмен визитами на высшем, а также на различных министерских уровнях. Причем встречи высших руководителей в последнее время проводятся по несколько раз в год. Так, в 2005 г. Ху Цзиньтао и М. Сингх, не совершив взаимных официальных визитов, в рамках различных международных мероприятий встретились не менее четырех раз, и такая практика становится уже привычной. С января 2005 г. на уровне первых заместителей глав внешнеполитических ведомств действует **структура стратегического договора**, в рамках которой рассматриваются как двусторонние проблемы, так и крупные мировые и региональные вопросы. На регулярной основе собирается и своего рода “**совет мудрецов**” — китайско-индийский форум наиболее авторитетных экспертов. Продвигается взаимодействие парламентариев, сотрудничество по партийной линии.

Своеобразным индикатором общего состояния комплекса двусторонних связей могут служить **контакты индийских и китайских военных**. Прошедшие в 2003 г. первые за много лет переговоры между высшими военными руководителями двух стран дали старт серьезному расширению связей в военной области. В 2006 г. министры обороны подписали важный *Меморандум о взаимопонимании и взаимодействии по вопросам обороны*, рассчитанный в том числе на дальнейшее продвижение мер взаимного доверия. По данному кругу вопросов создана **совместная рабочая группа**. В практику вошли регулярные **обмены высокопоставленными военными делегациями**, предприняты шаги по реализации программы **совместной подготовки военнослужащих**. Наконец уже не вызывают удивления казавшиеся недавно беспрецедентными **совместные военные маневры**. В 2003, 2005 и 2007 гг. в них приняли участие военные моряки двух стран, а в начале 2008 г. в провинции Юньнань их впервые провели сухопутные силы Китая и Индии. К этому следует добавить, что между двумя странами ширится сотрудничество специальных служб, в частности — ответственных за борьбу с терроризмом и международной преступностью.

Кропотливая и сложная работа ведется по **пограничной проблеме**. Обстановку на границе стороны называют “почти мирной”, подчеркивая тот факт, что уже около десятилетия здесь не прозвучало ни одного выстрела. К настоящему времени в рамках запущенного в 2003 г. переговорного механизма спецпредставители двух стран (первый заместитель министра иностранных дел КНР Дай Бинго и советник премьер-министра Индии по национальной безопасности Май-анкоте К. Нарайянан) провели уже 12 раундов консультаций. Судя по скудной информации, поступающей о них, переговоры идут непросто, и сближение точек зрения достигается с немалым трудом. Помимо политических и психологических факторов и барьеров, уходящих корнями в противоречивую историю и кровопролитие 1962 г., существуют и объективные технические сложности, связанные с разной интерпретацией карт и документов, которые касаются примерно 40 тыс. кв. км территории, оспариваемых, как известно, Индией в западном секторе, и 90 тыс. кв. км — Китаем, но уже на восточном участке границы. Поэтому резких прорывов на переговорах ожидать сложно, хотя стремление к ним сторонами постоянно декларируется и подкрепляется определенными шагами. Похоже, что дополнением к шагу со стороны Пекина о признании Сиккима штатом Индии и к Соглашению 2005 г. о параметрах и принципах урегулирования новым импульсом могут послужить итоги последних китайско-индийских саммитов (2007—2008 гг.). В документах этих встреч отражено намерение сторон подойти

к решению вопроса “со стратегической высоты”, ускорить достижение реальных подвижек, действуя “более целенаправленно и динамично, проявляя больше инновационных подходов”, а спецпредставителям на переговорах поставлена задача “в короткие сроки завершить выработку согласованного рамочного решения” на основе соглашения 2005 г.¹⁵ Есть основания полагать, что тем самым декларируется склонность к более интенсивному поиску компромиссных подходов. По крайней мере, согласно информации из СМИ со ссылкой на источники в индийском МИДе, в ходе китайско-индийского саммита в январе 2008 г. в Пекине Индии и Китаю удалось “впервые сформулировать свои проекты возможной структуры будущего соглашения, подразумевающего взаимные уступки с обеих сторон и открывающего путь к окончательному урегулированию индийско-китайского пограничного спора”¹⁶. Есть основания полагать, что таким образом выражается склонность к более интенсивному поиску компромиссных подходов.

Впечатляющие результаты достигнуты в **торгово-экономическом сотрудничестве**. С 1988 г. объем двусторонней торговли вырос более чем в 150 раз, в том числе в пять раз за последнее пятилетие (среднегодовой рост около 40%), составив в 2007 г. 38, 6 млрд долларов¹⁷. Заметим, что сегодняшние объемы ранее намечалось достигнуть практически только к 2010 г., поэтому перспективные планы, как следует ожидать, будут существенно пересмотрены в сторону увеличения. Китай превратился в главного внешнеторгового партнера Индии, Индия заняла 12 место в списке основных партнеров КНР, а по динамике наращивания объемов заняла в этом перечне лидирующее место. С марта 2004 г. действует **совместная торгово-экономическая исследовательская группа**, первым результатом работы которой стала разработка упомянутого пятилетнего плана развития экономического сотрудничества. Группа занимается также стимулированием инвестиций и поиском путей либерализации торгового режима. В этой связи стоит сказать, что Пекин продвигает привычную для себя схему создания зоны свободной торговли. Эта инициатива Пекина пока не нашла достаточного количества сторонников в Нью-Дели, тем не менее в стадии обсуждения находится создание некоего промежуточного режима, так называемого Регионального торгового соглашения (РТС), предусматривающего точечное снижение тарифов и ряд других мер по либерализации

Поднявшись практически с нулевого уровня, растет объем **взаимных инвестиций**. На конец 2005 г. китайские инвестиции в Индию составили около 50 млрд долл. Свыше 120 млн долл. разместили в КНР индийские бизнесмены, которые участвуют здесь примерно в 200 проектах¹⁸. Цифры носят, конечно, скромный характер, но предпринимаются шаги к сохранению высоких темпов взаимодействия. Подписано важное *Соглашение по содействию и защите инвестиций*. По данным индийской печати, Китай намеревается инвестировать в различные проекты в Индии до 500 млн долл. Наибольший интерес при этом вызывает сфера информационных технологий

Важным событием было названо возобновление после более чем 40-летнего перерыва торговых связей через высокогорный (свыше 4700 м) пограничный переход Нату-Ла между Тибетским автономным районом Китая и Индией в Сиккиме. На него в свое время приходилось до 80% оборота двусторонней пограничной торговли, и по оценкам объем торговли через Нату-Ла к 2015 г. может составить 2,8 млрд долл.¹⁹

В январе 2006 г. стороны подписали *Меморандум об укреплении сотрудничества Китая и Индии в нефтегазодобывающей области*. Цель — в пределах возможного обеспечить сочетаемость интересов на международных энерге-

тических рынках и максимально предотвратить возникновение “острых углов”. Стороны декларируют стремление укреплять кооперацию, в частности “совместно изучать возможности для разведки и эксплуатации месторождений нефти и газа в третьих странах”. Примеры такого сотрудничества имеются: в декабре 2005 г. нефтедобывающие компании двух стран впервые договорились о совместной покупке права эксплуатации нефтяных месторождений в Сирии.

Сотрудничество двух стран охватывает сегодня и целый ряд других областей — транспорт, науку и технику, здравоохранение, культуру, туризм, где взаимодействие осуществляется на основе соответствующих Меморандумов и соглашений.

Проблемы остаются

Иными словами, перечень достижений в двусторонних отношениях, особенно на фоне длительной стагнации 1960—1980-х гг., выглядит весьма убедительно. Однако это не означает, что Китай и Индия избавлены от ряда традиционных прежних проблем и гарантированы от некоторых новых вызовов. Это, несмотря на явные успехи, не позволяет дать двусторонним отношениям однозначную оценку.

Если обратиться к мнению экспертов обеих сторон, в частности китайских, для которых порядок перечисления имеет, как известно, не последнее значение, то главной из этих проблем остается **территориальная**.

Так, в 2007 г., вскоре после завершения 10-го раунда пограничных переговоров, когда еще не стихли комментарии о его “дружеской атмосфере”, Пекин отказал в выдаче въездной визы одному из ста членов делегации индийских работников административной службы, отправлявшихся на две недели в КНР²⁰. Поскольку “пострадавшим” стал представитель северо-восточного индийского штата Аруначал-Прадеш, Индия расценила инцидент как откровенный демарш Китая в контексте его “притязаний на территорию этого штата”. На этом фоне нельзя не вспомнить, что буквально в канун визита Ху Цзиньтао в Дели в ноябре 2006 г. посол КНР в Индии в весьма жесткой форме говорил о территориальных правах КНР в этом районе²¹. Наконец совсем недавно Пекин выразил официальную озабоченность по поводу (ни много, ни мало) самого факта поездки в Аруначал-Прадеш премьер-министра Индии²².

Второй проблемой в данном ряду чаще всего считают “**дефицит стратегического взаимодоверия**”, различия в подходах к ряду вопросов региональной безопасности, прежде всего в Южной Азии. Проще говоря, речь идет о “подозрительности Дели” по поводу китайско-пакистанских связей, и параллельной “обеспокоенности Пекина” наличием потенциально антикитайских компонентов в американо-индийских отношениях, взаимной озабоченности программами военного и приграничного дорожного строительства. Иллюстрациями могут служить многочисленные материалы индийских СМИ, когда в июне 2008 г. на страницах крупнейшей газеты “Таймс оф Индия” сообщалось об обеспокоенности высшего военного и политического руководства страны программой развития подводного флота КНР, включая базу на о. Хайнань, а также угрозами, которые для индийской космической программы представляют недавно испытанные китайские средства противоспутникового оружия. И этот перечень можно было бы продолжить.

Ответные сходные по смыслу сомнения и подозрительность высказываются в Пекине, в частности по **тибетской проблеме**, которая в силу своей значимости имеет самостоятельное, причем принципиальное в глазах Пекина значение. Вопрос о “сепаратистском движении с участием тибетских беженцев” в Индии, по мнению влиятельных китайских экспертов, “имеет ключевой характер

для стабильности в Тибете и безопасности в юго-западных районах КНР”²³. Временами затихая, этот болезненный вопрос дает о себе знать вновь и вновь, как это было, к примеру, во время знакового визита Вэнь Цзябао в апреле 2005 г., когда, чтобы предотвратить антикитайские демонстрации, индийские власти арестовали свыше 120 тибетских активистов²⁴.

Как известно, в связи с волнениями в Тибете в марте 2008 г. этот вопрос вновь обострился. В ситуации, когда независимые индийские телеканалы транслировали пространное интервью Далай-ламы, Дели, как известно, официально взявший на себя обязательство пресекать политические выступления тибетских беженцев на индийской территории, вновь попал в весьма сложное положение, оказавшись одновременно и под подозрительным взглядом Пекина, и под давлением собственных правозащитников. В результате министр иностранных дел Индии был вынужден сделать заявление, в котором подчеркнул, что Далай-ламе следует воздержаться от любой политической активности, любых действий, наносящих ущерб отношениям КНР и Индии²⁵.

Четвертая проблема — **трения в экономических отношениях**. Заметный рост двусторонней торговли привел в последнее время к заметному дисбалансу торгового сальдо в пользу Китая. Дели беспокоит и неудовлетворительная, с его точки зрения, структура торговли, где доля индийской машиностроительной продукции не превышает 4%²⁶, при том, что аналогичный показатель для КНР составляет свыше 34%²⁷. В этой связи Индия настаивает на снижении импортных пошлин для своих товаров и одновременно видит необходимость в шагах по защите собственного рынка. В свою очередь, Китай считает, что Индия, неоправданно затягивая признание КНР страной с рыночной экономикой, злоупотребляет антидемпинговыми расследованиями. По статистике китайских экспертов за последние 12 лет их было около 100, что составляет почти половину всех таких расследований, касающихся китайского экспорта. В Китае полагают, что индийские власти искусственно усложняют дорогу китайским инвестициям, в том числе препятствуют доступу в так называемые “чувствительные сектора” своей экономики, включая объекты транспортной инфраструктуры, область электронных коммуникаций.

Наконец, отдельным пунктом спорной повестки дня считается, в частности, в Китае **“соперничество за энергетические ресурсы”**. Двусторонние отношения действительно осложняются столкновением интересов в этой важной сфере, поскольку обе крупнейшие развивающиеся экономики испытывают острую потребность в импорте энергетического сырья и уже неоднократно сходились в конкурентной борьбе за право доступа к одним и тем же источникам, в частности, в Анголе, Казахстане и Нигерии. Непростая ситуация в этой сфере, где сочетаются элементы сотрудничества и соперничества (впрочем, достаточно управляемого), дала повод китайским экспертам употребить даже некий “синтетический” термин — “конкурентное сотрудничество”.

В обеих странах существуют в целом схожие представления о главных проблемах двусторонних отношений, которым, естественно, дается собственная интерпретация. К сказанному выше можно добавить, что Индия, компенсируя комплекс “потерпевшей” стороны, сохраняющийся со времени вооруженных конфликтов в конце 1950-х — начале 1960-х гг., жестко отстаивает свою позицию по пограничной проблеме. Неоправданно агрессивной Дели в ряде случаев считает экономическую политику Пекина, в том числе в сфере энергетики.

Есть “поля напряжения” и во внешнеполитической области. Прежде всего, речь идет о **влиянии американского фактора**, которое возросло в связи с активным развитием в последние годы отношений между Вашингтоном и Дели.

Пекин, испытывая явную озабоченность, но высказываясь достаточно осторожно, внимательно наблюдает за так называемой американско-индийской “ядерной сделкой”, результатом которой может стать заметная либерализация режима доступа Индии к гражданским ядерным технологиям.

О том, что для этого у Китая имеются основания, имея в виду цели США, достаточно точно высказался британский журнал “Экономист”: “Дабы не ввергать всех в краску смущения, подъем Китая редко упоминают в качестве фактора, в силу которого США открывают ядерные двери для Индии. Однако, возможно, именно этот фактор является фундаментальным импульсом, стоящим за американским подходом”²⁸.

Индия, исповедующая принципы многовекторной политики, безусловно заинтересована в развитии отношений с США. Более того, в индийской политической элите бытует мнение, что “только фундаментальные изменения в отношениях с единственной мировой супердержавой помогут Индии добиться своих стратегических целей”²⁹. Такого рода взгляды, очевидно, оказывают свое влияние на расстановку акцентов в индийских подходах. Однако на уровне принятия решений в Дели, судя по всему, понимают неприемлемость перспективы быть втянутыми в американские планы “сдерживания Китая”³⁰.

К проблемным в двусторонних отношениях относятся и некоторые другие вопросы. В частности, в Индии к ним добавляют свои “озабоченности” по поводу “активности Китая” в Мьянме, Бангладеш, на Мальдивах.

Превалирование плюсов

Однако, несмотря на серьезность проблем, следует признать, что китайско-индийские отношения развиваются в последние годы устойчиво по восходящей. Превалирование центростремительных факторов может быть объяснено следующими обстоятельствами. Это схожесть либо совпадение взглядов на проблемы глобального развития, обоюдное прагматичное стремление обеспечить мирную обстановку в своем приграничье и на его периферии, взаимное желание использовать фактор взаимодополняемости для дальнейшего продвижения по пути реализации программ социально-экономического роста каждой из стран. При этом с обеих сторон просматривается понимание, что конкуренция, неизбежная в процессе параллельного возрождения двух поднимающихся гигантов, по своей сути может носить контрпродуктивный и для Китая, и для Индии характер. Это стимулирует поиск компромиссов, а заодно свидетельствует о проявлении обеими странами здорового и позитивного прагматизма. Заглядывая в перспективу, вряд ли можно говорить о полном двустороннем консенсусе, вроде выдвинутого некоторое время назад проекта “Чиндия”³¹ — идеи возникновения некой гомогенной геополитической общности двух стран. Однако объективное превалирование прагматичных и совпадающих целей способно, как представляется, сохранить в обозримом будущем нынешний алгоритм китайско-индийских отношений, обеспечивающий их в целом устойчивое развитие.

Российские интересы и формат РИК

Думается, что российским интересам объективно отвечало бы именно такое развитие событий — хотя бы по той очевидной причине, что обратный сценарий ставил бы Москву, заинтересованную в дальнейшем развитии отношений стратегического партнерства и с Пекином, и с Дели, в проигрышную позицию выбора. Конечно, некоторые элементы китайско-индийской конкуренции — за

те же российские рынки энергосырья и вооружений — потенциально создают некие точечные возможности для разумного укрепления российских позиций. Но использование таких возможностей может носить только крайне деликатный характер, не говоря уже о контрпродуктивности некой спекуляции на противоречиях партнеров. Кроме того, укрепление китайско-индийской составляющей — важнейшее условие функционирования модели трехстороннего взаимодействия России, Индии и Китая, инициатором которой в 1998 г. официально выступила именно Москва. Встреченный вначале со скептицизмом, этот проект, пусть и лишенный сенсационных прорывов и достижений, в течение истекших десяти лет постепенно наполнялся реальным содержанием, свою жизнеспособность он продолжает демонстрировать и сегодня, поскольку объективно способствует укреплению международных позиций каждой из трех стран, создает возможности для многосторонней экономической кооперации, а по закону обратной связи благоприятно сказывается и на двусторонних связях внутри «тройки». Не случайно и в Пекине, и в Дели среди практических достижений трехстороннего формата выделяют его благоприятное влияние как раз на китайско-индийские отношения.

Таким образом, сегодняшний в целом позитивный вектор развития отношений между Пекином и Дели вполне органично вписывается в задачи российской внешней политики, позволяет РФ поддерживать сбалансированные отношения и с Китаем, и с Индией, объективно укрепляет формат трехстороннего сотрудничества этих государств.

-
1. Синьхуа. 2008. 5 июня.
 2. The Times of India. 2008. 19 июня. — http://timesofindia.indiatimes.com/India/File_India_to_raise_Sikkim_incursion_with_China/articleshow/3146611.cms
 3. Сводная таблица показателей ВВП государств мира по данным Всемирного банка и МВФ. — [http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_\(nominal\)](http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_(nominal)).
 4. Текст Соглашения см.: Принципы панча шила в современном мире: К пятидесятилетию подписания Соглашения между Индией и Китаем о торговле и связях с Тибетским районом Китая. М., 2004. С. 89—92.
 5. Acharia A. Wen Jiabao South Asian Sojourn: Premier Wen Jiabao's visit to India // Institute of Chinese Studies. Occasional Studies. 2005. № 7. P. 37.
 6. Sino-Indian Joint Press Communique. — <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zzjg/yzs/gjlb/2711/2712/t15913.htm>.
 7. См., напр: *Bhattacharjee M.S.* India and China at Vientian — Hastening Slouly to Arrive at a Different Feature: Premier Wen Jiabao's visit to India // Institute of Chinese Studies. Occasional Studies. 2005. № 7. P.4—5.
 8. *Jing-dong Yuan.* Sino-Indian Relations: Perspectives, Prospects and Challenges Ahead. — http://www.pinnr.com/report.php?ac=view_report&report_id=283&language_id=1.
 9. Agreement between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Republic of India on the Maintenance of Peace and Tranquility along the Line of Actual Control in the China-India Border Areas. — <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zzjg/yzs/gjlb/2711/2712/t15915.htm>; Agreement Between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Republic of India on Confidence Building Measures in the Military Field Along the Line of Actual Control in the China-India Border Areas <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zzjg/yzs/gjlb/2711/2712/t15914.htm>.
 10. Синьхуа. 2003. 26 апр.
 11. ИТАР-ТАСС. 2003. 25 июня.
 12. Declaration on Principles for Relations and Comprehensive Cooperation Between the People's Republic of China and the Republic of India. — <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zzjg/yzs/gjlb/2711/2712/t22852.htm>.

13. Premier Wen Jiabao Visit to India. Prospects and Reports // Institute of Chinese Studies, Occasional Studies. 2005. № 7. P. 7—83.
14. Совместная декларация Китая и Индии. — <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjb/zsjg/yzs/gjlb/1328/1330/t281586.htm>; A Shared Vision for the 21st Century of the People's Republic of China and the Republic of India <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zsjg/yzs/gjlb/2711/2713/t399545.htm>.
15. 10-й раунд индийско-китайских переговоров по проблеме границы // ИТАР-ТАСС. 2007. 21 апр.
16. К итогам визита М. Сингха в Китай // ИТАР-ТАСС. 2008. 22 янв.
17. Сайт Министерства коммерции КНР. — <http://english.mofcom.gov.cn/aarticle/statistic/ie/200802/20080205371690.html>.
18. Жэньминь жибао. 2006. 6 июля.
19. On the roof of the world, India and China put aside differences to reopen trade route. World news // The Guardian. 2006. 7 июля. — <http://www.guardian.co.uk/world/2006/jul/07/china.india>.
20. ИТАР-ТАСС. 2007. 29 мая.
21. India and China: friends disunited // The Economist. 2006. 16 Nov. — www.economist.com/world/asia/displaystory.cfm?story_id=8173487.
22. ИТАР-ТАСС. 2008. 21 апр.
23. *Ma Jiali*. Is Competitive Partnership between China and India Viable? // Conference Paper on Making New Partnership — A Rising China and its Neighbors. (IAPS, CASS), July 26-27, 2007. Beijing. P. 254.
24. <http://www.kommentator.ru/accent/2005/a0413-2.html>.
25. India to Dalai Lama: Stop upsetting China. — <http://blog.foreignpolicy.com/node/8548>.
26. GOVERNMENT OF INDIA Ministry of Commerce & Industry DEPARTMENT OF COMMERCE. — <http://commerce.nic.in/eidb/ecomxent.asp>.
27. Там же.
28. The America-India-China strategic triangle // The Economist. 2007. 2 Aug. — http://www.economist.com/displayStory.cfm?story_id=9587588.
29. *C. Raja Mohan*. India and the Balance of Power // From Foreign Affairs. 2006. July/August. — <http://www.foreignaffairs.org/20060701faessay85402/c-raja-mohan/india-and-the-balance-of-power.html>
30. См. напр.: *Mehra P.B.* An embrace too ardent // The Indian Express. 2005. 20 июля.
31. Автором концепции “Чиндия” как некой общности, выходящей за пределы просто двусторонних отношений, считают индийского аналитика, члена кабинета министров Дж. Рамеша, выпустившего несколько лет назад соответствующее исследование. Сборник материалов на эту тему (Чжун Инь да тун. Лисянь юй Сяньши 2007. 473 с.) опубликован в Китае. Но большинство аналитиков воспринимают идею осторожно. Как отмечал, к примеру, в материале “Мифы Чиндии” журнал “Экономист” (2006. 22.11), идея здесь “опережает реальность” и “более тесное сближение между Китаем и Индией совсем не выглядит неизбежным. К тому же нет уверенности, что сами стороны стремятся к этому”. — http://www.economist.com/world/asia/displaystory.cfm?story_id=8311987.